

**ДЖОН
ГРИШЭМ**

ВРЕМЯ ПРОЩАТЬ

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Эксклюзив: лучшие детективы»

John Grisham

SYCAMORE ROW

Перевод с английского *И. Дорониной*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernert Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85

Время прощать : [роман] / Джон Гришэм ; [перевод с английского И. Дорониной]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 608 с. — (Эксклюзив: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-165345-3

В округе Форд когда-то развернулось действие романа «Пора убивать», принесшего автору мировую славу, ставшего классикой жанра и основой потрясающего фильма с Мэттью Макконахи, Сэмюэлом Л. Джексонем и Сандрой Буллок в главных ролях.

Именно в этом романе впервые появился молодой адвокат Джейк Брайгенс, бросивший вызов неумолимой судебной системе.

И вот — новое дело Джейка Брайгенса. Дело о загадочном завещании очень богатого южанина Сета Хаббарда, который распорядился своим состоянием так, что это шокировало не только его близких, но и всех, кто его знал. Сын и дочь богача готовы горы свернуть, чтобы доказать: их отец был не в своем уме, когда составлял этот документ.

Но Джейк Брайгенс намерен убедить присяжных в противоположном — у Сета Хаббарда имелись веские причины поступить именно так, а не иначе. И чтобы сделать это, Брайгенсу придется раскрыть опасную тайну, многие годы скрывавшуюся за роскошными фасадами особняков уютного южного городка...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Belfry Holdings, Inc., 2013
© Перевод. И. Доронина, 2014
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-165345-3

1

Сета Хаббарда нашли приблизительно там, где он и обещал быть, но не совсем в том виде, в каком ожидалось. Он висел на конце веревки в шести футах от земли и слегка раскачивался на ветру. Атмосферный фронт принес осадки, и Сет к тому времени, когда его обнаружили, промок насквозь, хотя ему уже было все равно. Кто-то заметил, что на его туфлях нет грязи, а на земле под ним — никаких следов. Выходит, когда начался дождь, он уже был мертв и висел на веревке.

Почему это важно? Да, по правде сказать, и не важно совсем.

Самому повеситься на дереве не так-то просто. Но Сет явно все продумал заранее. Веревка была натуральным манильским канатом, крученым, в три четверти дюйма толщиной, достаточно прочным, чтобы выдержать человека, весящего сто шестьдесят фунтов, как свидетельствовала запись врача, которого Сет посетил месяцем раньше. Впоследствии работник одной из фабрик Сета вспомнил, что видел, как хозяин отрезал от катушки кусок веревки длиной футов пятьдесят за неделю до того, как все узнали о столь драматическом финале его жизни.

Один конец веревки был привязан к нижней ветке дерева несколькими небрежными узлами и петлями, однако крепление выдержало. Другой был перекинут через верхнюю ветку толщиной около двух футов, нависшую ровно в двадцати одном футе от земли. Оттуда веревка свисала футов на девять и завершилась иде-

альным висельным узлом — наверняка Сету пришлось потренироваться, чтобы научиться вязать его. Петля была как с картинки в учебнике: тринадцать витков, которые должны были, легко соскользнув под тяжестью тела, мгновенно стянуть ее. Такой висельный узел резко сжимает шею, делая смерть быстрой и менее болезненной, и Сет отлично выполнил «домашнее задание». Никаких следов борьбы и страданий не было видно.

Шестифутовая стремянка, скорее всего откинутаая ногой, валялась неподалеку. Видимо, Сет выбрал дерево, закинул на него веревку, закрепил узлами, вскарабкался на стремянку, приспособил петлю на шее и, когда все было сделано как надо, оттолкнул стремянку. Его руки свободно висели вдоль тела, кисти находились на уровне карманов.

Испытал ли он на миг сомнение, захотел ли в последнюю секунду вернуть все назад? Когда его ноги оторвались от спасительной опоры, схватился ли он инстинктивно руками за веревку над головой, попытался ли отчаянно бороться, прежде чем сдался? Никто никогда уже не узнает наверняка, но, видимо, ничего такого не было. Более поздние свидетельства подтвердили, что Сет действовал целенаправленно.

Для совершения задуманного он выбрал лучший костюм, темно-серый, из плотной шерсти, какие обычно надевают на похороны в холодную погоду. Костюмов он имел всего три. Благодаря правильной технике повешения казалось, что тело вытянулось, поэтому обшлага брюк доставали только до лодыжек, а полы пиджака — до талии. Остроносые черные, без единого пятнышка, штилеты были начищены до блеска. Синий галстук повязан идеально. А вот белую рубашку испачкала кровь, просочившаяся из-под веревки.

Спустя несколько часов стало известно, что Сет Хаббард присутствовал на одиннадцатичасовой службе в ближней церкви. Там он поговорил со знакомыми, пошутил со священником, положил деньги на блюдо для пожертвований — словом, выглядел так,

будто пребывал в отличном расположении духа. Многие знали, что у Сета рак легких, хотя о том, что врачи отмерили ему очень короткий срок жизни, почти никому известно не было. Несколько человек даже вносили его в свои церковные записки «о здравии», несмотря на то, что он нес на себе клеймо двух разводов, чем навсегда запятнал звание истинного христианина.

Самоубийство его репутацию не улучшало.

Дерево, древняя сикамора*, принадлежало семье Сета много лет. Земля вокруг густо поросла деревьями ценных пород с ядровой древесиной. Его отец приобрел ее в 1930-х годах весьма сомнительным способом. Сет неоднократно закладывал и перезакладывал участок и в конце концов обратил его в источник богатства. Обе бывших жены Сета в бракоразводных войнах героически пытались оттяпать эту землю, но Сет сумел сохранить ее за собой.

Первым на месте действия появился Кэлвин Боггз, разнорабочий. Его Сет уже несколько лет нанимал поденщиком на ферму, парень всегда был на подхвате. Рано утром в воскресенье хозяин позвонил ему и сказал: «В два часа дня будь на мосту». Он ничего не объяснил, а Кэлвину задавать вопросы не пристало. Если мистер Хаббард велел ему быть в указанном месте в указанное время, значит, он должен там быть.

В последний момент десятилетний сын Кэлвина увязался за ним. Обычно Кэлвин не поддавался на его уговоры, но тут согласился взять с собой. Они поехали по засыпанной щебенкой дороге, которая тянулась на много миль, зигзагами пересекая владения Хаббарда. Крутя баранку, Кэлвин, конечно, недоумевал, зачем он понадобился хозяину, поскольку не мог припомнить ни одного

---

* Сикаморами называют несколько видов американских деревьев, в частности американский платан, распространенный в бассейне реки Миссисипи. Не путать с сикомором, который еще называют тутовым деревом, или смоковницей. —

Здесь и далее примеч. пер.

случая, когда тот вызывал его куда-нибудь в воскресенье днем. Он знал, что хозяин болен, ходили даже слухи, будто умирает, но сам мистер Хаббард об этом, как, впрочем, и о чем-то другом, не распространялся.

Мост представлял собой деревянный настил, перекинутый через безымянный узкий ручей, зажатый между зарослями пуэрарии и кишасий водяными щитомордниками. Мистер Хаббард давно собирался забрать его в бетонную трубу, но болезнь отвлекла. Лишь по двум полуразвалившимся лачугам, гниющим среди разросшихся кустов неподалеку от поляны, можно было догадаться, что когда-то здесь располагалось небольшое селение.

У самого моста стоял принадлежащий мистеру Хаббарду «кадиллак» последней модели. Кэлвин остановился позади него и, глядя на открытые дверцу и багажник, испытал тревогу. К тому времени дождь уже разошелся, поднялся ветер. Странно, что мистер Хаббард оставил машину открытой.

Кэлвин велел сыну сидеть в грузовичке и медленно обошел «кадиллак», не прикасаясь к нему. Хозяина в машине не было. Кэлвин сделал глубокий вдох, вытер мокрое от дождя лицо и осмотрелся. На противоположной стороне поляны, ярдах в ста, он увидел висящее на дереве тело. Вернувшись к грузовичку, еще раз велел сыну не выходить из машины и запереть двери, но... Мальчик неотрывно смотрел на то самое дерево.

— Сиди здесь, — еще раз строго приказал Кэлвин, — из машины не вылезай.

— Да, сэр, — пробормотал мальчик.

Кэлвин шел медленно, поскольку ботинки скользили на мокрой земле, а главное, ему нужно было время, чтобы успокоиться. К чему тут спешка?

Чем ближе он подходил, тем яснее становилось: причина в темном костюме, висящий на веревке, мертв. А потом Кэлвин узнал его, увидел валяющуюся на земле стремянку, и картина сложилась. Ничего не трогая, он двинулся обратно, к своему грузовичку.

На дворе стоял октябрь 1988 года, и автомобильные телефоны наконец добрались и до сельских районов Миссисипи. По настоянию мистера Хаббарда Кэлвин установил такой телефон в своем грузовичке. Он позвонил в офис шерифа округа Форд, сообщил, что случилось, и стал ждать. Включив обогреватель и радио, откуда несло умиротворяющее пение Мерла Хаггарда, не обращая внимания на сына, постукивая пальцами в такт движению стеклоочистителей, Кэлвин уставился на лобовое стекло и в какой-то момент понял, что плачет. Сын боялся с ним заговорить.

Спустя полчаса в одной машине прибыли два помощника шерифа, а пока они надевали непромокаемые плащи, подоспела и «скорая» с командой из трех человек. Стоя на щебенке, все напряженно всматривались через дождевую пелену в старую сикамору и через несколько секунд разглядели висящего на ней мужчину.

Кэлвин сообщил им все, что знал. Помощники шерифа решили, что действовать следует, как если совершено преступление, а потому запретили медикам из «скорой» приближаться к повешенному. Потом приехал еще один помощник шерифа, и еще один. Они обыскали машину, но ничего проливающего свет на ситуацию не нашли.

Глаза Сета закрыты, а голова гротескно вывернута вправо, сфотографировали и сняли на видео. Землю вокруг сикаморы тщательно обследовали, но никаких улик не обнаружили. Один из помощников отправился с Кэлвином на его грузовичке в дом мистера Хаббарда, находящийся в нескольких милях оттуда. Мальчик, ни разу не открывший рта, ехал на заднем сиденье.

Двери отперли, и на кухонном столе нашли записку на желтом листке, вырванном из блокнота. Аккуратными печатными буквами Сет написал:

Кэлвину. Пожалуйста, сообщи властям, что я сам, без чьей-либо посторонней помощи, лишил себя жизни. Отдельно прилагаю распоряжения о своих похоронах. Никакого вскрытия! С.Х.

Записка была датирована тем же днем, воскресеньем, 2 октября 1988 года.

Помощники шерифа наконец отпустили Кэлвина. Он поспешно отвез сына домой, где тот рухнул на руки матери и до конца дня не произнес больше ни слова.

Оззи Уоллс был одним из двух черных шерифов штата Миссисипи. Другого только что избрали в одном из округов Дельты, где семьдесят процентов населения составляли черные. В округе Форд семьдесят четыре процента населения составляли белые, но Оззи второй раз победил на выборах с большим отрывом от остальных кандидатов.

Черные его обожали, считая своим. Белые уважали за то, что он независимый жесткий коп и бывшая футбольная звезда клэнтонской школы. В некотором смысле футбол на Глубоком Юге* медленно начинал превосходить значение расы.

Когда заработала рация, Оззи с женой и четырьмя детьми выходил из церкви, поэтому к мосту явился в костюме, без оружия и значка, но в багажнике у него всегда лежали старые ботинки. В сопровождении двух помощников он по грязи, под зонтом, дошел до сикаморы. К тому времени одежда Сета уже промокла насквозь, и вода капала с мысков его штиблет, с подбородка, ушей, кончиков пальцев и брючных манжет.

Оззи остановился перед деревом, приподнял зонт и посмотрел на мертвенно-бледное жалкое лицо человека, с которым при жизни встречался всего несколько раз.

Их отношения имели свою историю. В 1983-м, когда Оззи впервые баллотировался в шерифы, у него было три белых конкурента и ни одного доллара. Тогда ему позвонил Сет Хаббард, совершенно незнакомый белый мужчина. Как выяснил позже Оззи, Хаббард придерживался умеренных взглядов. Сет жил на северо-восточной окра-

---

* Г л у б о к и й Ю г С Ш А — штаты Луизиана, Алабама, Миссисипи, Джорджия и Южная Каролина.

ине округа Форд, почти на границе с округом Тайлер. Он сообщил, что занимается лесозаготовками, торгует древесиной, владеет несколькими лесопилками в Алабаме, несколькими фабриками там-сям, и произвел на Оззи впечатление весьма успешного человека. Он предложил финансировать избирательную кампанию Оззи, но только при условии, что тот примет деньги наличными. Двадцать пять тысяч долларов наличными.

При встрече, заперев дверь кабинета, Сет Хаббард открыл ящик и показал Оззи деньги. Тот стал объяснять, что кандидаты обязаны официально сообщать обо всех финансовых поступлениях в избирательный фонд и все такое прочее, а Сет, в свою очередь, объяснил, что не хочет, чтобы конкретно о его взносе сообщалось официально. Либо они договариваются о расчете наличными, либо никак.

— И что вы хотите взамен? — спросил Оззи.

— Я хочу, чтобы вас выбрали. Больше ничего, — ответил Сет.

— Ну, в этом у меня уверенности нет.

— Как думаете, ваши оппоненты получают наличные под столом?

— Вероятно.

— Конечно, получают. Так что не глупите.

Оззи взял деньги. Он активно развернул кампанию, пробился в последний тур и легко обошел оппонента на общих выборах. После этого дважды заезжал в офис Сета, чтобы поприветствовать и поблагодарить его, но ни разу не застал. На звонки мистер Хаббард не откликался.

Оззи осторожно попытался собрать информацию о мистере Хаббарде из посторонних источников, но о нем мало что было известно. Ходили слухи, будто он сделал состояние на мебели, но точно никто ничего не знал. Он не пользовался услугами местных банков, юридических контор и страховых агентств. В церковь ходил от случая к случаю.

Четыре года спустя у Оззи не было серьезных противников на выборах, но Сет тем не менее

изъявил желание встретиться. И снова двадцать пять тысяч долларов перешли из рук в руки, и снова Сет сразу исчез из поля зрения. И вот он мертв, задушен сделанной собственными руками петлей, и мокнет под дождем.

Наконец прибыл Финн Паундерс, окружной коронер. Теперь можно было официально засвидетельствовать факт смерти.

— Давайте снимем его, — предложил Оззи.

Узлы развязали, и тело Сета на ослабленной веревке спустили с дерева. Его положили на носилки и накрыли термоодеялом. Четыре человека с большим трудом понесли носилки к машине «скорой помощи». Оззи следовал в конце маленькой процессии, пребывая в замешательстве, как и остальные.

Он уже без малого пять лет трудился на своем посту и повидал немало мертвецов. Несчастные случаи, автомобильные аварии, несколько убийств, самоубийства. Однако он не стал бесчувственным и не потерял интерес к службе. Ему доводилось не раз поздно вечером звонить родителям и женам жертв, но всякий раз, увидев труп, он испытывал непреодолимое чувство страха.

Старина Сет... Кому Оззи должен позвонить? Он знал, что Сет разведен, но не знал, женился ли снова. Ему фактически ничего не было известно о его семье. Возраст Сета — около семидесяти. Если есть взрослые дети, то где они?

«Ладно, — подумал Оззи, — скоро выясню».

Направляясь в Клэнтон впереди «скорой», он начал уже из машины обзванивать тех, кто мог что-нибудь знать о Сете Хаббарде.

2

Джейк Брайгенс уставился на красные цифры электронного будильника, показывающего 5.29. Протянув руку, нажал на кнопку отбоя и осторожно спустил ноги с кровати. Карла перевернулась на другой бок и плотнее завернулась в одеяло. Он

тихонько похлопал ее пониже спины и сказал: «Доброе утро». Она не отозвалась.

Несмотря на понедельник, будний день, она могла поспать еще час, прежде чем вскочить с кровати и, поспешно собрав, везти Ханну в школу. Летом Карла позволяла себе вставать еще позднее, и в это время весь ее день был заполнен девчачьими заботами Ханны, в зависимости от того, что та захочет делать.

Расписание Джейка редко менялось. Подъем в 5.30, в 6.00 — кофейня; без чего-то 7.00 — офис. Немногие начинали работать так рано, как Джейк Брайгенс, хотя теперь, достигнув зрелого возраста, тридцати пяти лет, он все чаще задавался вопросом: зачем именно ему вставать ни свет ни заря? И почему он упорно приходит в контору раньше остальных юристов Клэнтоната? Ответы, некогда совершенно очевидные, становились теперь все более расплывчатыми.

Его давнишняя, со времен окончания юридического факультета, мечта стать знаменитым судебным адвокатом не потускнела. Он остался таким же честолюбивым, как и прежде. Но рутина раздражала. Десять лет в окопах, а контора по-прежнему забита завещаниями, договорами и никчемными спорными контрактами. Ни одного приличного уголовного дела, даже многообещающей автокатастрофы.

Момент славы пришел и ушел. Оправдание Карла Ли Хейли произошло три года назад, и порой Джейк опасался, что пик его карьеры позади. Тем не менее сейчас он, как обычно, отмел сомнения и напомнил себе, что ему еще только тридцать пять и он — гладиатор, у которого впереди множество побед на ристалищах в зале суда.

Пес больше не встречал его во дворе. Они потеряли Макса в пожаре, разрушившем их красивый, любимый и много раз заложенный викторианский дом на Адамс-стрит три года назад. Клан* поджег его в разгар процесса по делу Хейли в июле 1985-го.

---

* Имеется в виду ку-клукс-клан.

Сначала во дворе крест сожгли, потом попытались взорвать дом. Джейк отослал Карлу и Ханну, что было весьма разумно с его стороны после предпринимавшихся целый месяц попыток убить его. В конце концов подожгли дом. Ему пришлось выступать в суде с заключительной речью в одолженном костюме.

Разговор о том, чтобы завести другую собаку, не заводили. Несколько раз подступались к этой теме, но откладывали. Ханна хотела собаку, и, вероятно, собака была ей необходима, поскольку девочка, единственный ребенок в семье, часто жаловалась, что ей скучно играть одной. Но Джейк, а особенно Карла, прекрасно понимали, на кого лягут хлопоты по воспитанию щенка и уходу за ним. Кроме того, они жили в съёмном доме, быт еще не был устроен. Может, собака и вернула бы его к привычному состоянию, а может, и нет. Джейк часто размышлял об этом в ранние утренние часы. Дело в том, что ему самому очень не хватало собаки.

Быстро приняв душ, Джейк оделся в маленькой свободной спальне, которую они с Карлой использовали в качестве гардеробной. В этом хлипком, не принадлежащем им доме все было маленьким. И все — временным.

Мебель представляла собой унылое собрание кем-то отданных за ненужностью или купленных на блошином рынке по дешевке старых вещей. Ее планировалось выбросить, если когда-нибудь дела, как они надеялись, пойдут лучше, хотя Джейк вынужден был признать, что пока никакого движения в этом направлении не наблюдалось.

Их иск к страховой компании увяз в досудебной трясине. Он подал его через полгода после вынесения вердикта по делу Хейли, когда пребывал на вершине славы и преисполнился уверенности в себе. Неужели страховая компания посмеет обмануть его? Дайте ему любое жюри присяжных в округе Форд, и он снова добьется своего и выиграет любое дело.

Но самодовольство и кураж улетучивались по мере того, как они с Карлой постепенно осоз-

навали: заключенный ими изначально договор предусматривал страхование далеко не в полном объеме. В четырех кварталах от нынешнего жилья возвышался пустой и израненный остов их бывшего дома, год за годом накапливая опавшую листву. Соседка миссис Пикл приглядывала за ним, но особо приглядывать было не за чем. Соседи хотели, чтобы на месте пепелища вырос новый прекрасный дом, в который вернутся Брайгенсы.

Джейк тихо прошел в комнату Ханны, поцеловал ее в щечку и получше укрыл одеялом. Девочке семь лет, их единственный ребенок, и других, похоже, не будет. Она ходила во второй класс клэнтонской начальной школы, находящейся за углом детского сада, где преподавала ее мать.

В маленькой кухне Джейк нажал кнопку кофеварки и следил за ней, пока она не зашумела. Открыв портфель, потрогал свой полуавтоматический девятимиллиметровый пистолет в кобуре и засунул в портфель несколько папок с делами.

Он привык носить с собой оружие, и это его огорчало. Как можно жить нормально, все время держа под рукой пистолет? А что делать, если твой дом сжигают после попытки взорвать его, твоей жене угрожают по телефону, в твоём дворе сжигают крест, мужа твоей секретарши избивают до потери сознания, и впоследствии он умирает, нанимают снайпера, чтобы убить тебя, но тот промахивается и убивает охранника, сеют террор в течение всего процесса и продолжают запугивать еще долгое время после его окончания?

Четверо террористов теперь отбывали наказание — трое в федеральной тюрьме, один — в «Парчмане». Только четверо, неустанно напоминал себе Джейк. А было их, скорее всего, не меньше дюжины — это мнение разделяли Оззи и другие представители властей округа.

По привычке и от отчаяния Джейк минимум раз в неделю звонил в ФБР, чтобы справиться, нет ли новостей о расследовании. Теперь, три года спустя, ему часто даже не отзывались. Он писал письма.

Документация по делу уже занимала целый шкаф в его кабинете.

Только четверо. Он знал имена многих других, они все еще оставались подозреваемыми, по крайней мере для Джейка. Кто-то уехал, кто-то остался здесь, но все они были на свободе и продолжали жить, будто ничего не случилось. Поэтому он обзавелся оружием, получив официальные разрешения.

Один пистолет Джейк носил в портфеле. Один всегда лежал у него в машине. Два — в офисе. Имелись и другие. Его охотничьи ружья сгорели при пожаре, но Джейк понемногу восстанавливал коллекцию.

Он вышел на маленькое кирпичное крыльцо и полной грудью вдохнул холодный воздух. На улице, прямо перед домом, стояла патрульная машина, принадлежащая офису шерифа округа Форд. За рулем сидел Луис Так, официальный помощник шерифа, работающий в ночную смену. Его главная обязанность — находиться поблизости всю ночь и особенно возле почтового ящика каждое утро точно в 5.45 с понедельника по субботу, когда мистер Брайгенс выходил на крыльцо и махал ему рукой в знак приветствия. Так махал ему в ответ. Это означало, что Брайгенсы пережили еще одну ночь.

Пока Оззи Уоллс остается шерифом округа Форд, а это еще минимум три года, а то и гораздо дольше, он и его подчиненные будут делать все возможное, чтобы защитить Джейка и его семью. Ведь Джейк взялся за дело Карла Ли Хейли, работал как вол за сущую мелочь, уворачивался от пуль, игнорировал реальные угрозы и потерял практически все, но добился оправдательного приговора, эхо которого все еще звучало в округе Форд. Защитить Брайгенса Оззи считал своим первейшим долгом.

Луис так медленно тронулся. Он несколько раз обогнет квартал, вернется через несколько минут после того, как уедет Джейк, и будет наблюдать за домом, пока не зажжется свет в кухне и он не убедится, что Карла встала.

Джейк ездил на одном из двух имеющихся в округе «сабов», красном, с пробегом сто девяносто

милей. Машина нуждалась в капитальном ремонте, но Джейк не мог его себе позволить. Когда-то иметь столь экзотическую машину в таком маленьком городе казалось ему дерзкой и шикарной идеей, но теперь ремонтные расходы стали неподъемными. Ближайший сервисный центр располагался в Мемфисе, в часе езды, поэтому каждый визит туда отнимал полдня и обходился в тысячу долларов.

Джейк был готов сменить «сааб» на американскую марку и думал об этом каждое утро, когда поворачивал ключ зажигания и, затаив дыхание, ждал, заведется ли двигатель. Двигатель пока заводился, но за последние несколько недель Джейк не раз замечал, что происходит это с отставанием, после одного-двух холостых оборотов, а это зловещее предупреждение: вот-вот случится плохое. Впадая в паранойю, он слышал посторонние шумы, дребезжание и едва ли не каждый день проверял покрышки, отмечая, как все больше стираются протекторы.

Джейк задним ходом съехал на Калберт-стрит. Она, хоть и располагалась всего в четырех кварталах от Адамс-стрит с их бывшим домом, не считалась центральной улицей города. Соседний дом тоже был сдан в аренду. Вдоль Адамс-стрит стояли более старые и представительные дома, созданные по авторским проектам. На Калберт-стрит царила мешанина из домов-коробок в провинциальном стиле, покинутых прежде, чем город серьезно приступил к районированию.

Хоть Карла и не говорила, он знал, что она мечтает перебраться отсюда. Они даже обсуждали возможность вообще уехать из Клэнтонна. Три года, минувшие после процесса Хейли, оказались гораздо менее успешными, чем они рассчитывали и надеялись.

Если Джейку предстояла долгая, трудная карьера, исполненная борьбы, почему не бороться в другом месте? А Карла могла преподавать где угодно. Вдали отсюда запросто можно устроить спокойную жизнь, без оружия и необходимости постоянно держать ухо востро.

Черное население округа Форд уважало Джейка, но многие белые по-прежнему относились